

На правах рукописи

УДК 808.1=316.4

СТРАХОВ Александр Борисович
ТЕРМИНОЛОГИЯ И СЕМИОТИКА СЛАВЯНСКОГО
БЫТОВОГО И ОБРЯДОВОГО ПЕЧЕНЬЯ

Специальность: 10.02.03 -
Славянские языки (западные и южные)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

МОСКВА - 1986

Работа выполнена в секторе этнолингвистики и фольклора
Института славяноведения и балканистики АН СССР.

Научный руководитель - доктор филологических наук, про-
фессор, чл.-корр. АН СССР Н.И.Толстой.

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук В.М.Мокшенко,
кандидат филологических наук Т.М.Судник.

Ведущая организация: Белорусский государственный универси-
тет им. В.И.Ленина.

Защита состоится " _____ " _____ 1986 г. в _____ ч.

на заседании специализированного совета Д 002.97.01 по защите
диссертаций на соискание ученой степени доктора филологичес-
ких наук при Институте славяноведения и балканистики АН СССР
(125040, Москва, Ленинградский проспект, д. 7).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института
славяноведения и балканистики АН СССР (Москва, ул.Вавилова,
д. 37а).

Автореферат разослан " _____ " _____ 1986 г.

Ученый секретарь
специализированного совета
кандидат филологических наук

Г.К.Венедиктов

Институт славяноведения и балканистики АН СССР,
1986

Реферлируемая работа находится в русле тенденций, ставших общими для различных отраслей современного индоевропейского языковедения (анатолийского, балтийского, балканского, славянского), все чаще и шире использующих в диахронических лингвистических штудиях экстралингвистический материал. Этим обусловлена актуальность данного исследования.

Предметом анализа в диссертации является функционирование хлебных изделий в сфере быта и сфере ритуала — этих наиболее консервативных форм культуры, изобилующих элементами вербальной, акциональной и мировоззренческой архаики. Такой выбор форм культуры объясняется и прослеживаемыми в реферлируемой работе тенденциями этих форм к взаимодействию: быт склонен к ритуализации, а ритуал зачастую сакрализует и консервирует элементы архаического быта.

В задачи работы входит описание и анализ славянской лексики и фразеологии, связанной с изготовлением и употреблением (ритуализованным) и собственно обрядовым функционированием хлебных изделий, выявление семантической мотивированности, лексико-ассоциативных связей и смысловой структуры отдельных терминов, взаимодействие вербального и акционального компонентов в обрядовых и производственно-технических комплексах, частичная реконструкция воззрений, лежащих в основе ряда ритуалов и этапов ритуализированного производства хлеба, выявление случаев взаимодействия языческого и христианского компонентов в народном ритуале, наблюдении над этнодиалектным и географическим распределением некоторых явлений духовной культуры и манифестирующих их терминов, слежение за акциональными, терминологическими и мировоззренческими корреспонденциями бытовой и ри-

туальной (оказиональной и календарной) сфер культуры.

Основным инструментом исследования служат методы этнолингвистики - "направления в языкознании, ориентирующие исследователя на рассмотрение соотношения и связи языка и духовной культуры, языка и народного менталитета, языка и народного творчества, их взаимозависимости и разных видов их корреспонденции",^I обогащенные методами лингвогеографии и сравнительно-исторического языкознания.

Хлеб как феномен славянской культуры в реферируемой работе впервые в славистической науке более или менее полно и последовательно рассмотрен в фокусе пересечения конституирующих фундаментальных аспектов: лингвотерминологического, поведенческого, технико-трудового и ценностного. Ценностному аспекту, связывающему воедино фундаментальные элементы культуры, уделено особое внимание, так как "хлеб" в иерархии ценностей у земледельческих народов занимает исключительно высокое место, становясь синонимом таких понятий, как "жизнь", "богатство", "благополучие". Этим обуславливается научная новизна работы.

Материалом для исследования служили данные славянских региональных словарей и этнографических описаний, а также полевые записи автора и его коллег по Полесской этно-

---

^I Толстой Н.И. О предмете этнолингвистики и ее роли в изучении языка и этноса. - В кн.: Ареальные исследования в языкознании и этнографии: Язык и этнос. - Л.: Наука, 1983, с. 182.

лингвистической экспедиции (научный руководитель - Н.И.Толстой), сделанные в 1975-1983 гг. Полевой материал занимает в работе видное место. Некоторые важные архаические явления славянской духовной культуры, незафиксированные печатными источниками, впервые вводятся автором в научный оборот.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его материалы и выводы могут быть использованы при составлении этнолингвистических словарей и описаний общеславянского и регионального характера, при создании вузовских учебных курсов и в работе семинаров по славянской лексикологии и этнолингвистике, введению в славянскую филологию.

Работа состоит из двух глав, разделов "Введение" и "Заключение" и материалов, помещенных в Приложении.

Приемы изложения и интерпретации материала в двух главах работы несколько отличаются друг от друга. В главе I автору представлялось необходимым излагать материал и свои соображения о функциях и терминологии славянских хлебных изделий в той стадийной последовательности, в которой совершается превращение сырой массы теста в поедаемый за столом печеный хлеб. Изложение носит монографический характер. Композиция главы II, в которой содержится, по преимуществу, наблюдения над весенним календарным восточнославянским печеньем, построена как серия внутренне достаточно самостоятельных очерков, описывающих географическое распределение и семантическую мотивированность символики и терминологии отдельных видов печанья. Комментируемый лингвистический материал сосредоточен, в основном, в большей по объему главе I.

В разделе "Введение" формулируются задачи и методы работы, характеризуется круг привлекаемых источников, дается краткий обзор литературы, посвященной различным аспектам изучения славянского печенья, указывается на перспективность изучения лексики и фразеологии в тесной связи с ценностным, трудовым и поведенческим фундаментальными аспектами культуры.

Главу I "Функции и терминология бытового и обрядового славянского печенья и некоторых ритуализированных аспектов его производства и использования" открывает раздел I "Взаимодействие "техничко-грудовой" и обрядовой систем мотиваций в номинации некоторых видов славянского печенья", где показано, как терминология обрядового печенья, связанная с глаголами, обозначающими действия по приданию формы тесту (*viti; *gybati; *gabati; *bigati; *varti, *ko-varti, *vrtěti; *krctiti; *katati, *kotiti), получает дополнительную мотивацию либо за счет вторичных народно-этимологических сближений, либо путем актуализации в терминах дополнительных семантических признаков, являющихся доминантными в данной обрядовой акционально-терминологической системе.

Так, в основном, на материале текстов каравайных песен рассматривается географическая вариативность фразеологизма *gybati/bigati korvaľ. Устойчивое обрядово-терминологическое сочетание *gybati korvaľ имеет весьма широкое распространение в Белоруссии и значительно меньшее на территории Украины. Его метатезированный вариант *bigati korvaľ распространен, в основном, на Украине с заходом на Гомельщину и Гродненщину. Применительно к обозначениям действий над хлеб-

ным тестом корневая метатеза *bъg-: *gъb- может быть датирована праславянским состоянием (ср. аналогичные отношения в южнославянских языках: с-х. гѣбаница, болг. гѣбаница, бѣница/словен. bgānca).

Синонимичный вышеприведенным карпатоукраинский фразеологизм коровай вѣти, генетически связанный с "техническим" глаголом *viti, будучи включен в систему свадебных номинаций, получает дополнительные ассоциативные семантические обертоны (ср. *viti и его производные в славянской свадебной обрядовой и поэтической терминологии), которые становятся основой для инновационного сближения образов "каравал" и "свадебного деревца" в белорусско-украинском свадебном фольклоре. У великоруссов и болгар зафиксировано использование дериватов *viti для наименования рождественских обрядовых хлебов (болг. вѣт-превѣт кравай, превѣтык, которые хозяева дарят колядующим; архангельск. вѣтѹшки - "мелкие калачики, раздаваемые христомаслам, а также бросаемые на улице народу свадебниками", олонек. вѣтѹшки - угощение в канун Нового года - "крендели, имеющие форму цифры "8"). Форму, близкую к "восьмерке", имели также болгарские хлебы, раздаваемые колядникам и называемые кофръг, мн. ч. кофръги; ковриг, которые следует связывать с русск. коврига, словом, не имеющим надежной этимологии. На русском Севере и в новгородских говорах ковригой нередко называли праздничный, пасхальный и свадебный, хлеб. Извитые формы болгарских хлебов подсказывают новое этимологическое решение: *ko-vъr-ig-, где *ko- продуктивный префикс местоименного происхождения, а *vъr- глагольный корень со значением 'вертеть, гнуть, кривить, бросать' (ср. также русское диалектное:

ковёрить (хлеб), извернуть (тесто), полесск. завернуть кала-
ча). К слав. *ko-vьr- с расширителем -g- относится и с.-х. ковржан - S-образный калач, с которым в Алексинацком Помора-
вье хозяин идет в лес за бадняком и по возвращении домой смо-
трит сквозь него на село (ср. с.-х. ковига 'нечто изогнутое').
Близкое по форме слово ковртаць в Босанской Краине обознача-
ет полый внутри калач, выпекаемый на Божич.

Дополнительная обрядовая семантическая мотивация появля-
ется у наименований восточнославянских свадебных хлебов, про-
изводных от глаголов *vьrtěti (калужск. вертушки; Брянск.,
полтавск., житомирск. верч) и *krьotiti (костромск. крутиль-
ный пирог (хлеб), ср.: ярославск. крутильное вино). В мире
свадебных мотиваций и метафоры эротические семантические
обертонны глаголов, манифестирующих кривое и круговое движе-
ние, актуализируются, и название хлеба типа верч ассоцииру-
ется с глаголом вертеть уже не столько как с обозначением
технической операции по приданию формы хлебу, сколько как с
вертеть - метафорой производительного акта.

Дополнительную сакрально-магическую семантическую моти-
вацию (путем установления народно-этимологической связи с
глаголом *kotiti se 'рождать, приносить приплод') получают
названия хлебов (москов. катушки, калужск. каточки, курск.
катушки), выпекаемых в России на Вербные субботу и воскрес-
ные и скармливаемых скоту в целях стимуляции "окота". Вообще,
выкатка хлеба могла непосредственно ассоциироваться с омонимич-
ными ей символическими актами продуцирующей магии, неред-
ко выражающимися в катании и валянии по полю льды и предме-

тов. В числе этих предметов часто фигурировал хлеб круглой формы. Эта деталь имеет общеславянское распространение и находит параллели в обрядности других индоевропейских этносов.

Хлеб осознается народом прежде всего как факт и продукт труда, преобразующего природу в культуру. И в этом смысле весьма показательны, что технические моменты (разделка и выкатка теста, стадии выпечки), атрибуты техники (лопата, печь) и сам агент — выпекающий хлеб человек — в высшей степени сакрализованы, окружены множеством запретов и рекомендаций.

Раздел 2 главы I посвящен запретам и рекомендациям, действующим во время выпекания хлеба. Запреты календарно-временные говорят о включенности акта печения хлеба в некие общие метеоролого-космические процессы, регулирующие стихии и производительные силы природы; запреты физиолого-временные, касающиеся преимущественно женщины, пекущей хлеб, с их требованием ритуальной "чистоты", свидетельствуют о культовом характере бытового акта выпечки хлеба. Помимо этих правил общего характера выделяются правила сажания хлеба в печь, правила, действующие во время пребывания хлеба в печи, и правила внимания хлеба. Семантическим полем, общим для трех групп правил, является представление (особенно развитое и действенное у восточных и западных славян), согласно которому печь — это ход сообщения с загробным миром, и акт печения хлеба есть одновременно акт контакта с иным миром. Некоторыми чертами атмосфера актов посадки и внимания хлеба напоминает погребальный ритуал (молчание, запрет открывать дверь

дома). Из действий с иной функцией можно выделить творение креста, подстилание под хлеб капустных или дубовых, иногда специальным, сакрально-маркированным образом добытых листьев (ср. названия хлебов типа русск. листовик, польск. naleśnik и т.д.), поднятие лопаты вверх (на высоту чела печи или до потолка). Цель последнего действия ясно формулируется на Ровенщине: "...шоп коровай вэлкий рос" и в виде словесной формулы регистрируются у поляков: "rośnij chlebuś wysoko". Действия, могущие отрицательно повлиять на рост хлеба в печи (пролезание под лопатой, переступание через лопату в момент подачи хлеба в печь) запрещались у поляков и белорусов-польшуков. Хлебная лопата вследствие постоянного контакта с печью и хлебом, а благодаря этому, возможно, и с иным миром, получала особые охранительные свойства, используемые славянами в апотропической магии. В метеорологической магии лопата как агент стихии огня противопоставлялась стихии воды.

Требования ритуального молчания не способствовали распространению клишированных вербальных формул, произносимых при посадке хлеба в печь. Они достаточно редки. Ср. русск.: "Матушка печка, укрась своих детушек", польск.: "Rośnij chlebie jak słońce na niebie". У болгар Бессарабии молчание, принятое при выпечке такого хлеба как мълчач хляб, могло редуцироваться до табуизации самого слова хляб, которое запрещалось произносить в это время всем домохозяевам.

Особыми предосторожностями обставлялось печение хлеба из "новинки". Это был п е р в ы й хлеб в этом году, а п е р в ы й — по магической синекдохе, свойственной разным этнокультурным традициям — изоморфен ц е л о м у и всему

р я д у однородных явлений и предметов. Поэтому от испечения первого хлеба зависела судьба всех последующих выпечек и урожай этого года, а следовательно, богатство и сама жизнь семьи и рода. Такой хлеб наделялся высшей сакральностью и мог быть предназначен или посвящен богу, особо чтимому святому, мертвым родичам, домашнему скоту.

Ряд гаданий и прогнозов, основывающихся на изменениях, которые происходят с формой или положением хлеба в печи в процессе печения, осуществляются в рамках универсальных оппозиций: в е р х / н и з , в н у т р е н н и й / в н е ш н и й .

Правила внимания хлеба из печи, хорошо иллюстрируя взгляд славян на печь как на вход в иной мир, несут важную информацию о пространственной дифференциации и локализации ада и рая в верованиях поляков, белорусов и украинцев. Полено, которое необходимо положить в печь, вынув из нее хлеб, служит мостом, по которому умершие, минуя ад, попадают в рай. Случайно оставшийся в печи хлеб, который з а б н л и вынуть, наделяется особыми свойствами з а б в е н и я . Их появление у хлеба лишь отчасти можно объяснить народно-этимологическими сближениями. Укр. диал. забу́тний хліб(хлеп), забу́тько, забу́дкі, блр. диал. забы́тний хлеп, поедание которого обычно помогает родственникам поко́чного з а б ы т ь его и свое горе, есть, видимо, вариация древнего мотива пели забвения. Ее вкушение, по верованиям греков, заставляло, наоборот, забыть этот мир и приобщиться к сонму мертвых. У славян созданию этой инверсии способствовало специфическое восприятие образа

печи (ср. выше) и представление о хлебе как об обереге.

Клишированное белорусское выражение, которым матери успокаивают детей: "Придзе, придзе дзед, нам(табе) пирог спечень", свидетельствует о том, что умершие ("деды") как бы участвуют в бытовой выпечке хлеба, за что живые сородичи приглашают их первыми на трапезу. В Моравии кусок теста от первой раскатанной буханки бросали в огонь "душечкам". В Касимовском у. Рязанской губ. при каждом печении блинов призывали покойных родственников есть блины. Обычай посвящать хлебные "первинки" предкам из сферы быта перешел в поминальный и связанные с ним календарные ритуалы (рождественский - в восточной Словакии, масленичный - в Калужской и Тамбовской губ.).

Ритуализация трудового процесса ярко проявляется у восточных и южных славян в понятии особых "обыденных" реалий, производство которых, представляющее обычно серию последовательных трудоемких операций, нередко занимающих длительное время, в сакральных целях отвращения некоего бедствия могло совершаться от начала до конца в пределах дня или ночи. Эти реалии - первоначально тканые (полстенец, холст, одежда) - вешались на кресты или жертвовались в храм, откуда впоследствии возникла традиция изготовлять описанным образом кресты и храмы. Производство такого рода реалий само по себе представляло охранительный обряд, своего рода предметно-действенное, концентрированное воплощение "операционного" вербального текста (типа "жизни и страданий" культурных растений, в том числе злаков и хлеба). Сакрально-мотивированным в производстве таких реалий было совпадение начального и конечного действий

в одном и том же временном промежутке - дне. Отсюда и восточнослав. название этой реалии - обыденный 'сделанный, законченный в тот же день (что и начатый)' от наречия обыдѣнь < *о(о)-и-днь (ср. русск.-цслав. одпнь 'в тот же день'). Наречие обыдѣнь вопреки утвердившимся в этимологической науке версиям (А.Преображенский, М.Фасмер, А.Журавлев и др.) представляло собой предложно-местоименно-именную конструкцию, где приставка о(о)- восходит к предлогу о(о), который использовался в сочетаниях с вин.пад. им.сущ. для обозначения пределов времени события, а -и- - позиционный вариант -и- (< *и - указат.местоим., ср. др.-русск. ежеднь, ежеднь). На Украине и в Белоруссии зафиксированы сакральные обыденный хлеб и abydziennyi piroch, а также промежуточные формы обрядов, в которых параллельно изготовлению "обыденного" полотна сходным образом изготавливали и хлеб - вторичную по отношению к тканной реалии, которая в ряде локальных традиций вытеснила "обыденное" производство холста. Русск.диал. (подмосков.) обыденное тесто, обыденник, рязан. абыд'оньшнай бл'иц, видимо, утратили обрядовую функцию. Ср. иркутск. обыденную сметану, употребляемую в лечебной магии дважды в день - утром и вечером, что изоморфно совмещению начальной и конечной операций в одном и том же дне, реализованному в акте изготовления и отраженному в номинации "обыденного" продукта.

Раздел 3 и §6 раздела 4 посвящены запретам и рекомендациям, касающимся раздела уже готового хлеба. Трапеза славян на ритуализована. Локусом этого каждодневно отправляемого обряда является стол (северорусск. оубья благодать, лалонь Хри-

стова, божья(богова) ладонь). Сакрализует стол постоянно лежащий на нем хлеб. Положение хлеба на столе строго регламентировано в рамках оппозиции в е р х / н и з (кашубы, поляки, македонцы, белорусы, русские). Эти воззрения определили многочисленные славянские окказиональные и календарные гадания по положению бросаемого или катаемого каравай хлеба. Кроение хлеба обставлено гаданиями и приметами и порою выглядит как достаточно сложный ритуал. Между тем порою встречаются рекомендации не резать, а ломать хлеб, чаще всего первый, выну́тый из печи. Акцент на преломлении хлеба свойственен и славянским поминальным и восходящим к ним календарным (рождественским и масленичным) ритуалам. Отказ от "культурного" разрезания в пользу "природного" преломления связан с тем, что первый хлеб бытовой выпечки, как и хлеб поминальный, предназначался предкам, и почать хлеб следовало "природным", "дедовским" способом, не прибегая к орудиям. В обычае преломления хлеба отражена старая техника обращения с архаическим хлебом, хлебом предков, законсервированная ритуализованным бытом и впоследствии кодифицированная поминальным обрядом. Языковой манифестацией акциональной оппозиции: 'ломать'/'резать' можно считать маркированное употребление глагола ру́шить (вм. рэзать) в русских диалектах по отношению к хлебу (реже:мясу).

Ряд правил и рекомендаций, касающихся дележа и поедания (см. особенно раздел 4) хлеба подчинены единому, легко прослеживаемому и реконструируемому представлению о воплощении Доли (=судьбы, счастья, богатства и т.д.) человека и рода в куске (=каравае) хлеба. Так, представление о некоей дневной

дарованной человеку богом доле хлеба (ср.: слав. *božьje darъ 'хлеб' и *božь 'доля, часть' или 'распределитель (доли, части)', заключенной в целом непочатом каравае хлеба, стоит за распространенным среди восточных славян и поляков запретом начинать с вечера новую буханку. Если же непременно нужно почать хлеб, то первую отрезанную краюху не едят, а после ужина опять прикладывают ее к початому караваю. Этим имитируется целостность и непочатость хлеба, предназначенного к завтрашнему дележу. П е р в ы й отрезанный кусок содержит в себе основную часть Доли, заключенной в ц е л о м хлебе. На изо-морфность "целому" указывают такие названия первого куска, как рязан. целуха, укр. диал. цілушка, архангельск. растучий ломоток. О связи первого отрезанного куска с Долей свидетельствует его важная роль в брачно-эротической магии и прогно-стике. Общеславянским можно считать представление, что поедание окрайцев, горбушек и т.д. сулит удачу в брачном и поло-вом партнерстве.

Отрезанный кусок хлеба может непосредственно символизиро-вать Долю. Ср.: русск. отрезанный ломотъ, блр. адрэзаны кусок - о выросших и отделившихся детях. Целостный хлеб во-площал богатство семьи и рода. При разделах братьев и семей делили хлеб, что отражено на вербальном уровне в русск. диал. ковригу рэзати 'делить им-ущество, хозяйство'. Первый отрезан-ный кусок символизировал счастье и Долю молодой (реже: моло-дых) на разных этапах подготовки к свадьбе, после венчания и на брачном пире. Русские, белорусы и болгары верили, что по-едание горбушек способствует рождению сыновей, восстано-

нию и усилению лактации (украинцы). "Окраец" хлеба фигурирует в качестве обязательного атрибута на всех стадиях родительного и крестильного обрядов на Украине и русском Севере, символизируя выделенную Долю новорожденного.

На этом веровании базируется дуализм значений слав. *roskrebъkъ и *vyskrebъkъ и их вариантов: 'маленький хлебец, испеченный из остатков теста, соскребанных со стенок квашни' и 'последний ребенок в семье' (ср. выразительную блр. диал. форму пакрэбюч с патронимическим суффиксом -ич). Такой же малой представлялась Доля (в смысле: Судьба) и "доля" (в правовом смысле) последнего ребенка, - воззрение, в котором отразились правовые установления сменявшегося матриархат патриархата.

П о с л е д н и й (хлеб, кусок, крошки) как и п е р в ы й мог воплощать в себе Долю. Это представление связано с общеиндоевропейским верованием о пребывании духа плодородия, нередко в зооморфном облике (например: козк, зайца), в последнем снопе. Отголосками этого древнего аграрного культа являются термины и верования, соединяющие темы зайца и хлеба с мотивом п о с л е д н е г о , о с т а т к а (полесск. зайчк 'окраец, горбушка', 'маленький свадебный хлебец из остатков теста'; кашуб. zajc 'последние колосья'; русск.диал. зайчьи гостинцы 'привезенные обратно домой взятые в дорогу съестные припасы' и проч.).

Сакральная мотивированность первого и последнего в связи с хлебом и Долей оказала большое влияние на формирование правил поедания хлеба. Так, в соответст-

вни с одним из самых распространенных правил, человек, оставляющий хлеб недоеденным, тем самым "оставляет свое счастье" (Пиньжэ), "здоровье", "силу" (Украинское Полесье), "късметът" (Охрид), "срећу" (Ласковацкая Морава). Если другой человек доест за него недоеденный кусок, то к нему перейдут "сила", "здоровье" и т.д. первого едока. Такие действия могут поощряться, если правило видит нравственную цель в наказании первого едока и руководствуется представлением о воплощении Доли и Целого в последнем, остатке, но могут и запрещаться, если в конкретной традиции живее верование в то, что Доля и ее манифестации воплощены не в "последнем", а в "первом" (часть, порция и т.д.), а потому початый, надкушенный хлеб лишен Доли; ее целостность нарушена первым едоком, и этот хлеб уже не принесет пользы. Отрицательно (как асоциальное) оценивается поведение едока, тянувшегося за вторым куском — сверх дневной или обеденной нормы, так как кто-то в роду в этот момент терпит голод, т.е. окажется обездоленным, несчастным.

С комплексом верований, в соответствии с которыми поедание чужого куска хлеба равнозначно присвоению чужих здоровья и силы, связаны русск.диал. заеда́ть 'присваивать чужое' и фразеологизм заеда́ть (чужо́й) ве́к (где ве́к < слав. *věkъ 'жизненная сила'). Ср. витебск.: "Мужу родильнице нельзя есть приносимых ей гостинцев, чтобы не заесть не веку"; русск. заедает чужой хлеб (о нетрудящемся), болг. изяд си хляба = 'отжил свой век' и т.д.

Глава II реферлируемой работы посвящена анализу символики, обрядовых функций и терминологии восточнославянского фигур-

ного календарного печенья и состоит из четырех разделов. В "Предварительных замечаниях" подчеркивается древность знакового принципа, лежащего в основе хлебных изображений животных и предметов и отразившегося на характере их функционирования в магических ритуалах.

В разделе I рассматривается символика и терминология русского печенья, выпекаемого в день 40 мучеников (9.Ш по ст. ст.): жавор'тки, кулики, сор'оки, тет'ерки, снегирки и др., и содержится описание и реконструкция основных функций этого печенья в обрядах встречи весны, приуроченных местами к этому дню. Основное обрядовое печенье этого праздника — жаворонки — распространено на территории вжно- и средневеликорусских говоров. Традиция испечения куляков компактно локализована в Курской обл. На основе анализа текстов вжновеликорусских веснянок и некоторых обрядовых акций с хлебными изображениями птиц делается вывод о том, что в перелетных птицах восточные славяне видели ипостаси душ предков, возвращающихся из "вырея".

Близкие по семантике и функции обряды в Юго-западной Руси приурочены к Благовещению (25.Ш. по ст.ст.) и связываются с образом аиста. Полесскому благовещенскому печеню в форме аистой лапы посвящен раздел 3, базирующийся, в основном, на полевом материале. Печенье известно в Волынском Полесье: бу'ськовы ла'пы (Дубровницкий р-н Ровенской обл.), бу'сьникова ла'па, бу'сн'ева ла'пка, бу'сн'ера ла'па (Ратновский р-н Волынской обл.) и в регионе, примыкающем к Белорусскому Полесью с северо-запада: bus'owa Xapa (пов. Бельск Подляский). Там на-

ряду с изображением аистиной лапы выпекали подобия сельскохозяйственных орудий: чаще - борону, реже - серп, шуг или соху. В Белорусском Полесье, в ареале между Ровенщиной и Подлясьем, с образом аиста связывается голёпа, галёпа, алёпа - редкое слово неясного происхождения, обозначающее благовещенское печенье в виде аистиной лапы или с выдавленным сверху ее изображением. Вслед за голепой нередко последовательно выпекали борону и серп. В других ареалах, близких к тому региону, где за благовещенским печеньем известной формы закрепилось название буськовой (бусовой и т.д.) лапы и где узкое, сакрально-терминологическое значение слова голёпа неизвестно, голёпа обозначает 'голень', 'колено', 'бедро' (человека или животного). В Брестском р-не изоглоссы пересекаются: варианты и дериваты слова голепа обозначают длинные челогаческие ноги, благовещенские круглые хлебцы (голопа) и применяются как эпитет по отношению к аисту (голепач, голепачий, т.е. 'голекастый'). Анализ верований, циклизующихся вокруг образа аиста, приводит к мысли, что в ряду благовещенского печеня, изображающего земледельческие орудия и символизирующего стадии полевых работ (боронение, уборку урожая), изображение аистиной лапы символизировало, по всей вероятности, акт оплодотворения (ср. символику "топтанья") земли (ср. формулу обмена, с которой обращаются к аисту: "Буську (2), на тобі галёпу, Дай ми́ні жыта копу!..").

Изучая календарное обрядовое печенье и культовое обращение с ним, мы неминуемо сталкиваемся с одной из узловых проблем исследования народной духовной культуры - с пробле-

мой соотношения и сосуществования в культуре христианского и языческого элементов.

В разделе 2, посвященном обычаю испечения креста в среду Крестопоклонной недели Великого поста, прослеживается процесс ассимиляции важнейшего христианского символа. Обычай достаточно равномерно распределен по европейской восточно-славянской территории. В разделе анализируются гадания по запеченным в кресты мелким предметам. Часть прогнозов или их моделей представляются цитатами из сонников и других народных прогностических систем, но сам принцип гадания в типологическом отношении безусловно древний (ср. выбор бобового короля по запеченному в хлебе бобу у народов Западной Европы). Хлебный крест — важный атрибут ритуализированного первого засеивания. Нередко и гадания имеют цель выявить того, кто будет засеивать. Важным моментом ритуала является контакт хлебного креста с землей, осуществляемый с целью стимуляции плодородия (кресты закапывают на поле, кладут на углы его, разбрасывают вместе с посевным зерном и т.д.). В связи с этими обычаями закономерно появление значения 'первые всходы' у лексемы хресткі и 'всходить (о посевах)' у глагола хрестыцца в Белорусском Полесье. Это редкий пример диффузии обрядовой терминологии в сферу хозяйственную, возможной только при условии продолжающейся традиции ритуализации производственных операций. Только для Полесья характерна инновационная функциональная экспансия средопостного креста из земледельческой в скотоводческую обрядность: крест выступает в качестве атрибута первого выгона скота. В Полесье и у южно-

великоруссов известны единичные случаи распространения функции креста на третью важную хозяйственную сферу - пчеловодство.

Развитая средопостная обрядность отсутствует у вятич славян, а у западных - носит иной характер. Название кресто-поклонная неделя известно только православным. Народно-христианское мирозерцание восточных славян увидело в кресте не символ искупления и мук, а символ пространственно-временного перелома в соответствии с ярко выраженным у восточных славян восприятием весеннего обрядового и хозяйственно-астрономического времени как времени перехода от одного сезона к другому, времени "встреч" и "проводов". Такое понимание символики и семантики средопостного креста отразилось в устойчивом мотиве "перелома говения" текстов, произносимых при обходе дворов и сборе печеных крестов - обычае, локализованном в Костромской и Горьковской обл., в котором проявляются некоторые архаические черты земледельческо-скотоводческой идеологии (представление о молоке, изливаемом тучами (=небесным скотом) на землю). Обрядовые мотивы "молока" нехарактерны для великопостного времени в целом, в других славянских регионах содержатся в терминах, атрибутах, представлениях и акциях, отнесенных к Масленице и Пасхе.

Зависимость весенних календарных ритуалов от окказионального похоронно-поминального комплекса хорошо иллюстрируют традиции печения хлебных лестниц и олив-онуч на Вознесенье (40-й день после Пасхи), связанные в генетическом отношении с обычаем выпекать лестницы на сорокодневное поминове-

ние усопшего и важной ролью обуви в погребальной обрядности (раздел 4 главы II). Хлебная лестница выступает как знак утраченного пехорошно-поминальным обрядовым реквизитом атрибута, служащего для вертикального перемещения души умершего. Обойтой роли этого атрибута в славянских обрядах мы можем судить только на основании этих вторичных данных и косвенных свидетельств, а также типологических параллелей, приведенных в "Приложении". Тестяные лестницы и онучи объединяет единая функциональная семантика облегчения предстоящих д о р о г и и п е р е х о д а, только в окказиональном обряде речь идет о человеке, а в календарном - о боге. Понятия "дороги" и "перехода" одновременно являются и метафорами смерти и загробного мира. Хотелось бы выделить роль ареального аспекта в решении проблемы генезиса традиции вознесенского печенья. Ареал печения поминальных лестниц и совершаемых с ними (как правило, в доме) акций расположен в зоне южновеликорусских говоров, известной целым рядом архаических черт в области языка и духовной культуры. Этот ареал с трех сторон - с юга, востока и севера - охватывают фиксации обычая испечения лестниц в календарные праздники (на Вознесение и др.). Действия с ними обычно совершаются вне дома: в поле, в церкви. Островная разбросанность фиксаций печения бóжьих(христовых) онуч (Белоруссия, Украина, Русский Север, Нижняя Волга) на Вознесение (такая картина свойственна порою архаичным явлениям), быть может, свидетельствует о существовании в древности соответствующего обычая окказиональной приуроченности, впоследствии ставшего источником для календарного ритуала (ср.

функционирование поминальных блюд: блинов и кутьи в календарных обрядах). Особый интерес представляет выпечка "лестниц" 30.И. (по ст.ст. - в день Ивана Лествичника) как пример взаимодействия языческого и христианского элементов в народной культуре, причем, элементов-концептов, восходящих к некоему общему (языческому) типическому фонду символических средств мироописания.

В "Заключении" подводятся основные итоги диссертационного исследования.

Терминология славянского хлебного бытового и обрядового печенья была рассмотрена в тесной связи со структурой и семантикой их ритуализованного производства и обрядов, атрибутом которых являлось это печенье. Была произведена частичная реконструкция базовых ценностных представлений, лежащих в основе ряда важнейших производственных операций, семантики отдельных окказиональных ритуалов и узловых моментов некоторых календарных обрядов с участием хлеба. Сделаны наблюдения над генетической зависимостью друг от друга ряда ритуалов и прослежены пути их дальнейшей эволюции. Показано географическое распределение некоторых важных терминов и обычаев. Новое освещение в ряде случаев получили символика и функция печенья и обрядовые и внеобрядовые акции с ним. Сделаны определенные выводы о соотношении языческого и христианского компонентов в некоторых областях славянской духовной культуры.

В "Приложении" к диссертации помещен ряд экскурсов, примечаний и дополнений к двум главам основного текста работы,

приведены индекс комментируемых в диссертации лексем, список используемой литературы и несколько карт, иллюстрирующих географическое распределение календарного обрядового печенья и его функции на восточнославянской территории.

Публикации по теме диссертации:

1. О принципах номинации русского обрядового печенья.- В кн.: Типалогія славянскіх моў і ўзаемадзейненне славянскіх літаратур. Тэзісы дакладаў III Рэспубліканскай канферэнцыі.- Мн., 1977, с. 271-272.

2. Балтославянский миф о происхождении аиста и античные параллели.- В кн.: *Baltico-Balto-Slavica*. Симпозиум по структуре текста. Предварительные материалы и тезисы.- М., 1979, с. 106-108.

3. Собрание русского обрядового календарного фольклора (методическое пособие). Изд. Всероссийского научно-методического центра народного творчества и культурно-просветительской работы им. Н.К.Крупской.- М., 1982.- 56 с. (Совместно с Е.А.Соловьевой).

4. Из истории и географии русского обрядового печенья (поминальные и вознесенские "лестницы").- В кн.: Ареальные исследования в языкознании и этнографии: Язык и этнос.- Л., 1983, с. 203-209.

5. Полесское буськовн лапн. галёпа. - В кн.: Полесский этнолингвистический сборник: Материалы и исследования.- М.,

1983, с. 205-212.

6. Ритуально-бытовое обращение с хлебом и печью и его связь с представлениями о Доле и загробном мире.- В кн.: Пolesье и этногенез славян. Предварительные материалы и тезисы конференции.- М., 1983, с. 99-100.

7. Своеобразие формирования восточнославянского культотопчитания и специфике соотношения в нем языческого и христианского элементов.- В кн.: Этногенез, ранняя этническая история и культура славян.- М., 1985, с. 79-82.

8. Палеск. прчык, хрэсты, хрэстында.- Беларуская лінгвістыка, 1985, вып. 27, с. 68-69.

9. Поминательное и ритуально-бытовое преломление хлеба у восточных славян.- В кн.: Конференция: Балто-славянские этнокультурные и археологические древности. Погребальный обряд. Тезисы докладов.- М., 1985, с. 78-79.

10. Русское обрядовое печенье "христови(богови, божья) онучи" в связи с функцией обуви в славянских похоронных ритуалах.- В кн.: Этногенез, ранняя этническая история и культура славян.- М., 1985, с. 77-79.

